

УДК 82.09(470.6)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЗНАК СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Бауаев К.К.

ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия (360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173), e-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Статья «Интертекстуальность как признак становления национальной традиции» содержит несколько новационных положений, касающихся стадияльных состояний литератур народов Северного Кавказа и их зависимости от русской традиции в 20-х – 30-х годах XX столетия. Основные предположения автора сводятся к следующему: дихотомия дореволюционной и советской поэтических практик может считаться одним из признаков преемственности литературного опыта и продолжительности культурного развития того или иного этноса. Наряду с этим, для сформированной традиции поэтического отражения характерны внутреннее единство, родство архетипов и устойчивых мотивов, используемых авторами. Автор считает и вполне аргументированно доказывает, что феномен «монокультурной» интертекстуальности является бесспорным маркером автономного и аутентичного литературного развития, и на основании присутствия этого феномена в литературах Северного Кавказа делает вывод о стадияльной тождественности эволюции поэтических представлений горских и русского народов в довоенный период.

Ключевые слова: оппозициональная дихотомия, художественный, эстетический, северокавказский, культурная среда, поэтический, традиция, семантика, идеологический, архетип, критерий, устойчивый символ, интертекстуальный.

INTERTEXTUALITY AS A SIGN OF THE FORMATION OF NATIONAL TRADITIONS

Bauaev K. K.

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia (360004, Nalchik, street Chernyshevskij, 173), e-mail: kazim_bauaev@mail.ru

The article "Intertextuality as a sign of the formation of national traditions" contains several innovative provisions relating to stadia conditions literatures of the peoples of the North Caucasus and their dependence on Russian traditions 20-x – 30-ies of XX century. Basic assumptions of the author are as follows: the dichotomy between pre-revolutionary and Soviet poetic practice can be considered as one of the signs of the continuity of the literary experience and the duration of the cultural development of one or another ethnic group. Along with this, you formed the tradition of poetic reflection characteristic internal unity, kinship and sustainable archetypes motifs used by the authors. The author believes, and quite convincingly argues that the phenomenon of "monocultural" intertextuality is an indisputable marker of Autonomous and authentic literary development, and by virtue of the presence of this phenomenon in the literatures of the North Caucasus finds stadia identity the evolution of the poetic views of mountain and Russian peoples in the pre-war period.

Keywords: oppositionally dichotomy, artistic, aesthetic, Caucasian, cultural, poetic, tradition, semantics, ideological, archetype, criterion, sustainable, symbol, intertextual.

Оппозициональная дихотомия дореволюционной и советской поэтической традиции в русской литературе проявлена однозначно и реализована хотя бы тем, что некоторые авторы, чей индивидуальный стиль, проблемно-тематический ряд, образный строй, в целом – модели художественного самовыражения – сложились до 1917 года, совершенно не изменили своему почерку. Многие из них были вынуждены покинуть Родину, остальные оказались в искусственной изоляции от живого литературного процесса, в ряде исключительных случаев глобальные социальные катаклизмы, потрясшие страну, оказались попросту проигнорированными поэтами в смысле полного отсутствия признаков эстетической

реакции – примеров тому, конечно же, немного, однако творчество В. Хлебникова вполне красноречиво с этой точки зрения [1, с.110-120].

Отрицать бинарный, дуальный характер развития северокавказских литератур в первые десятилетия Советской власти, в сущности – в течение всего довоенного периода – также невозможно. Слишком уж явственно и выпукло перед нами предстают черты и признаки как единой «советской» эстетики, так и разработанные ранее принципы отражения действительности, лёгшие в основу национальных поэтических школ в иной культурной среде и волею судеб оказавшиеся в зоне регулируемого государством идеологического контекста.

Утверждение о «единстве» и «общности» советских литератур стали расхожим тезисом практически всех исследований. Они начинались с политизированных констатаций, вытекавших из положения о классовой солидарности трудящихся, попадавших во все работы по советской многонациональной литературе вплоть до конца 80-х годов прошлого века. Учёные, в сущности, декларировали очевидные и не требовавшие особой аргументации наблюдения: «Поэзия каждой нации и народностей нашей страны... едина со всей советской литературой по своему определяющему творческому методу и социалистическому содержанию. Обобщая самое характерное для поэзии народов и народностей Советского Союза, получивших письменность после победы социалистической революции, можно сказать, что её важнейшая черта – открытие и утверждение нового мира, прославление всего хорошего, сущего и желаемого, зовущего вперед, в коммунистическое завтра» [11, с.26].

Однако в этом растиражированном в сотнях и тысячах монографий и, несомненно, верном наблюдении отражена лишь часть дифференциальных признаков национальных поэтических систем, и именно та, что была актуализирована в художественном сознании народов СССР посредством явного нажима со стороны государства. Обзор произведений 20-х, 30-х годов прошлого века, написанных северокавказскими авторами, равно, как и другими национальными, включая русских, выявляет огромный пласт текстов, ориентированных на проведение идеологической линии партии, в соответствующем образном и пафосном оформлении.

С точки зрения их поверхностной, видимой семантики, с точки зрения их мировоззренческой ориентации и морально-этических императивов, определяющих лирический настрой и характер поэтического переживания, это – стихи-близнецы, заключенные в приблизительно схожих рамках образного воплощения и опорной символики, зачастую определить их этническую принадлежность представляется затруднительным: «В трудный день говорю я вам: // Понапрасну не падайте духом. // Будет закон (решение) и для правых, и для неправых, // Да не будет дороги у бессовестного. // Не будем отчаиваться, //В

сбрую несправедливости не попадем, // Построим дорогу для правды, // Научимся жить как люди» [15, с.39].

«Эй, честный юноша, борец народный, // Перед врагом колен не преклоняй!...//...Эй, выше голову, народ печальный, // Взгляни вокруг: зарей сияет высь! // Проснись, народ!...//...Повсюду утро настаёт, – проснись!» [4, с.188].

Сравнение с этими примерами строк русскоязычных поэтов выявляет разницу лишь, если можно так выразиться, в «общей» эрудиции авторов, в большей мобильности поэтических презентаций, опирающихся на ожидаемо более широкое информационное поле уже в новой «советской» традиции: «...Но исчезал в огне отец мой сгорбленный, // На баррикадах – исчезла мать. // Путь взбудоражен Октябрьским трактором, // Нет прошлого – смыт кровью след...» [17, с.255].

Или: «...Гудит година путевая, // Вагоны, ветер полевой. // Страда распахнута другая, // Страна иная предо мной!...//...И мы на вражеские части // Верблюжий повели поход...» [3, с.273-274].

Оценка «профессионального» качества приведенных примеров вполне однозначна, но, повторимся – с точки зрения эволюционно-этиологического состояния поэтического мышления, этнические образцы находятся в той же стадии развития, что и русские. Новое бытийное окружение русскими поэтами было освоено в достаточной мере – что, естественно, проистекало из высокой адаптивной способности русской словесности, в свою очередь, определявшейся наличием значительного количества авторов-посредников, пронесших устойчивую норму поэтического представления через социально-идеологический барьер 1917 года. На основе революционной идеологии, концептуалистики, объектности русские писатели могли строить новую поэтическую систему, в своих надструктурных уровнях действительно абсолютно креативную, связанную с поэтикой XIX – начала XX веков лишь формально и архетипически.

Иначе говоря, в русской советской поэзии аутентичность поддерживалась теми актами отражения и художественного восприятия, которые были актуализированы во вновь сформированной среде представлений, и это можно считать еще одним, помимо указанной нами генезисной дихотомии, признаком «традиционности» поэтической системы. Однако не следует считать этот критерий абсолютным. Во-первых, русские поэты в границах недавно появившихся представлений часто проявляли эстетическую неразборчивость и отсутствие культурной селективности.

В процитированных примерах это видно, хотя бы по таким новообразованиям, как «Октябрьский трактор», которым «взбудоражен путь», и «верблюжий поход». И то, и другое бесследно кануло, не оставив следа в последующих поэтических практиках – оба выражения

можно посчитать неудачами творческого поиска. Но без этих, выпадающих из общего апперцептивного рисунка стихотворений образов, строки Э.Багрицкого, равно как и строки М.Пасынка, представляются полными дубликатами любых «революционно-социалистических» образцов эпохи – и русских, и написанных на языках других народов.

Во-вторых, и это представляется наиболее существенным – даже будучи, в силу малочисленности носителей языка и, собственно, языкового барьера, жестко ограниченными в наборах освоенной поэтической объектности и наборах активных актуальных концептов и денотатов, национальные писатели, так же, как и русские, сумели создать некий объем эстетических представлений, генетически связанных с реалиями эпохи. Естественно, это «социалистическое» информационное пространство было весьма узким, но тем не менее оно существовало, что позволяет нам говорить о вполне аутентичной советской национальной поэтической традиции, столь же самостоятельной, как и русская.

В частности, в послереволюционной северокавказской поэзии возможно чётко выявить новые, но уже обретшие стабильность мотивы и устойчивые символы с семантическим наполнением, характерным именно советскому периоду. Русская поэзия этого времени воплощала требуемое государством и партией идеологическое начало текстов особым лексическим набором и сквозными мотивами, выражавшими концепты борьбы, массовости, классовой принадлежности, коллективизма, неборимости порыва народа и так далее. Это вполне чётко высказано в целом ряде работ. Например, Е. Любарева пишет: «...мотив ветра сложился... в произведениях Блока, предшествующих “Двенадцати”... мотив ветра был присущ как бы самой революционной эпохе... новаторская направленность советской литературы 20-х годов заключала в себе потребность определенных литературных традиций – блоковских, точнее, традиций поэмы “Двенадцать”» [13, с.160, 162]. Затем исследовательница приводит примеры прямых реминисценций ряда советских поэтов, использующих не просто мотив, но даже и блоковский образ ветра, что надо расценивать, как примеры интертекстуальной интеграции, однозначно говорящей о сохранности традиции поэтического представления: «...насыщенное песнями стихотворение Луговского («Песня о ветре») можно рассматривать как вариацию поэтики Блока, обладающую новыми функциями» [13, с.166].

Интертекстуальность в данном случае справедливо оценивается как один из неоспоримых признаков преемственности поэтической традиции – понятно, если говорится о её монокультурном характере и источниках. Присутствие интертекстуального фрагмента в произведении служит бесспорным эволюционным критерием и свидетельствует о сформированной традиции очередного этапа развития национальной литературы. При этом необходимо различать стадильную принадлежность используемых универсалий:

«...отличие явления «диалога» метафор как феномена интертекста от воспроизведения архетипов заключается в том, что в первом случае мы имеем идентифицируемый источник происхождения, а во втором – неидентифицируемый. Сразу оговоримся, что под идентифицируемым источником происхождения метафоры может пониматься её принадлежность, как определенной личности, так и группе поэтов (например, одной школы, направления). Главное условие – точная отсылка к определенному источнику» [12, с.87].

В отношении литератур Северного Кавказа это буквально означает, что стабильное использование идеологически интерпретируемых мотивов, имеющих внефольклорное происхождение и не имеющих непосредственных источников в русских практиках, есть признак и факт наличия собственной «советской» поэтической традиции – пусть даже усеченной и суженной. И в этом аспекте интертекстуальное качество произведений горских авторов советского периода сомнений не вызывает. Не желая углубляться в подробное и обширное перечисление прямых переключек текстов поэтов региона, в качестве примера приведём лишь две символические универсалии, стадильная (советская) автохтонность которых бесспорна – хотя бы потому, что в фольклоре этносов описания объектов природы фактически отсутствовали: «Расти, вырастай, // Цвети вновь и вновь, // Плодов урожай // Потомкам готовь...//...Под ветви твои // Стекаемся мы, // Как к морю ручьи, / /Как к свету из тьмы...» [2, с.155-156] – строки, принадлежащие перу осетинского поэта С. Баграева опираются на образы-символы реки и дерева. Дело в том, что если для русской художественной мысли для передачи революционного духа, мятежности и порыва масс естественным было обращение к неустойчивым, эфирным субстанциям, то для представителей Северного Кавказа ожидаемым было использование в качестве ментальных ориентиров моделей стационарных объектов. Г.Д. Гачев отмечает: «Национальная природа и дух питают интеллект и воображение своих детей, снабжают особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями. Эвристическая сила национальной ментальности: дар открывать... особым образом» [9, с.14].

Оспорить это невозможно, однако следует, по всей видимости, различать непосредственные источники национальной эстетической рефлексии и её стремление к выстраиванию неких предпочтительных эстетических эталонов. Последние же, вне всякого сомнения, формируются в контексте этнических социальных ожиданий. Для русской национальной духовности привлекательными были перспективы обретения свободы, материального благосостояния, самостийности и самодостаточности личности. Популистские лозунги советской власти использовали именно эти чаяния основной массы населения страны.

В то же время консервативность, признаваемая всеми соборность русского духа, его мессианство противоречили самой сущности революции, как процесса – во всяком случае, она оценивалась русскими мыслителями как гибель всего ценного и нравственного, тех констант, которые определяют бытие и лицо этноса: «к моменту революции, когда расковалась страшная стихия и в темные массы брошены... идеи и настроения,.. когда подвергнуты опасности величайшие духовные ценности... Ужасно, что лучшие писатели в России проявили так мало духовной самостоятельности и не нашли своих слов в самую трудную минуту русской истории» [5, с.131].

Поэтому образ стихийного, непостоянного и неустойчивого ветра и пользовался такой популярностью у поэтов, творивших в первые годы Советской власти – он апеллировал к ожиданиям перемен, которые в стабильном и устойчивом социуме Российской Империи связывались с революцией.

И напротив – опыт и память народов Кавказа требовали не просто перемен, а прежде всего спокойствия. Народы, сотни лет жившие в условиях перманентных военных конфликтов и даже после вхождения в состав северного соседа продолжавшие находиться в исключительно напряженной среде межфамильных и межродовых столкновений, видели свой идеал в стабильности. Революция, как знаковая черта, разделяющая спокойный труд и гарантированную стабильность, ими виделась и отражалась в соответствующих образах – стационарных полностью, как дерево, или стационарных и стабильных в своём общем виде – как река. Она же, в силу присущих ей природных черт, могла символизировать и пресловутый порыв масс, так усиленно насаждаемый идеологической пропагандисткой машиной государства.

Поэтому и река, и дерево стали постоянной универсальной метой поэтов региона. На их стабильной символике базируются десятки и сотни стихотворений, причём семантико-идеологическая интерпретация подобных текстов практически одинакова: «Сотни рек – сёстры мне. // С ними жадно сольюсь // Я в могучей волне – // Ширь мила мне морская...» [7, с.137], «...«К чему твой с природой немолчный спор, // С веками единоборство?» // «В борьбе за свободу питомцам гор // Своё завещаю упорство» [8, с.138], «Баксан стремится, // Неузнаваем. // Бежит, свергая // С плотины воды, – // И оживают // Поля, заводы. // И проводами // По всем селеньям // Струит он солнце, // Что дал нам Ленин» [18, с.137].

Перечислять похожие примеры вряд ли имеет смысл. Все они развивают мотив реки в одном из двух направлений, иногда совмещая смыслы последних: река – олицетворение единства, и здесь обыгрывается образ множества источников и даже капель, составляющих конечный объект; и река – уже сформированный поток «работающий» на благо народу (народам).

Приблизительно схожая картина наблюдается с образом «дерево»: «Советская власть – золотое дерево. // Его нам надо крепко держать (придерживаться). // Оно наша вечная опора...» [15, с.49] – вполне возможно, что у тюркских авторов Северного Кавказа образ дерева исходит из глубин национальной мифологии и прототипом имеет представление о мировом древе-оси мироздания. Действительно, если говорить о балкарских поэтах – среди них нет ни одного, который бы многократно не обращался бы к дереву, как объекту художественного переживания. Но взяв в качестве корректного примера поэзию осетинского народа – как этническую эстетическую систему высокой степени изолированности и развитой традиции – мы обнаружим, что и для их эстетических воззрений советского периода дерево – весьма частый опорный образ, постоянно обыгрываемый и А. Гулуевым, и С.Баграевым, и Нигером, и многими, многими другими. Что особенно примечательно – у осетинских авторов поэтический объект «дерево» чаще всего не разворачивается в сквозной «несущий» символ произведения (хотя наблюдается и такое), а употребляется в качестве образной уточняющей адресации, при выстраивании центрального образа: «...Погляди: в углу старуха – // Старый гриб, трухлявый пень...//...Но по вечному закону // Возле дуба у корней, // Шелестит побег зелёный...» [16, с.176-177].

При таком использовании стабильного поэтического объекта закономерно возникали и схожие схемы его интерпретации, например, аллегорическое противопоставление «старое-новое», «старость-юность», «жизнь-увядание»: «...Мне видится сосна. // Иссохшая колючая, // Стоит совсем одна...//...За счастье благодатное // Бороться силы нет...// А там, другая, статная, // Сосна не знает бед...//...Сквозь ветви густохвойные // Блестит серпом луна...//...Сосёт она, могучая, // Весенний сок земли...» [6, с.189], «...Обугленный пень вместо липы стоит...//...Как чудно вокруг пробуждалась весна // И липа листвою шелестела...» [14, с.206], «...Чтоб из побегов // Листвы зеленой // Для новой жизни // Поднялись ветви!» [10, с.251].

Можно ли классифицировать это явление в качестве интертекстуального и доказывающего, таким образом, существование самостоятельной советской поэтической традиции у этносов региона? Думается, что можно: в самом толковании мотива есть момент видимого развития – от идеологемы объединения и консолидации по признаку принадлежности к «трудовому народу» к осмыслению социальных «социалистических» функций описываемого объекта: река вращает турбины, даёт свет, дерево плодоносит и т.д. С возможными русскими источниками ситуация вполне прозрачна – как мы и говорили, перцептивные характеристики стационарных феноменов не «вписывались» в пафосные стандарты восприятия революции в русской культуре, и даже если первичный образ был позаимствован у кого-то из авторов «донорной» системы, на местной почве он развивался

вполне самостоятельно. Это видится нами как явное доказательство, если не аутентичности эволюции северокавказских поэтических школ, то, по крайней мере, не той степени зависимости от русской революционной поэзии, которая предполагается сегодня.

Список литературы

1. Асеев Н.Н. Велемир Хлебников // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911–1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 110-120.
2. Баграев С.К. Наше дерево // Антология осетинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 155-156.
3. Багрицкий Э.Г. Голуби // Строфы века. Антология русской поэзии. М.: Полифакт, 1999. С. 273-274.
4. Батырмурзаев З.Н. Народному заступнику // Антология дагестанской поэзии. Т. 2. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1980. С. 188-189.
5. Бердяев Н.А. Письма к М.О. Гершензону // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 119-136.
6. Боциев Б.Т. В ущелье Цея // Антология осетинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 185-192.
7. Гадиев Ц.С. Горный поток // Антология осетинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 134-138.
8. Гадиев Ц.С. Цей-Дон // Антология осетинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 138.
9. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо; Алгоритм, 2008. С. 544.
10. Епхиев Т. О чём говорил дуб // Антология осетинской поэзии. М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1960. С. 251.
11. Климович Л.И. Наследство и современность. М.: Советский писатель, 1975. С. 416.
12. Кураш С.Б. Метафора и ее пределы: микроконтекст-интертекст. Мозырь: МГПИ им. Крупской, 2001. С. 118.
13. Любарева Е. П. Продолжатели (Традиции А.Блока в советской поэзии 20-х годов) // Вопросы литературы. 1980. № 10. С. 157-170.
14. Масуров Д. Липа // Антология осетинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 205-206.
15. Мечиев К. Б. Советская власть – золотое дерево // Мечиев К.Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 48-49.

16. Нигер (Иван Васильевич Джанаев). День за днем уходит время...// Антология осетинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С.176-177.
17. Пасынок М. (Коган-Ласкин И.) Портрет // Строфы века. Антология русской поэзии. М.: Полифакт, 1999. С. 250-265.
18. Пачев Б.М. Баксан // Антология кабардинской поэзии. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 134-139.

Рецензенты:

Мусукаева А.Х., д.ф.н., профессор, зав.кафедрой русской и зарубежной литератур, ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик;

Тегуев Б.И., д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литератур, ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г.Нальчик.